

90 лет со дня рождения В. В. Маяковского

Сердце, полное добра

Рита Яковлевна Райт-Ковалева — советская писательница, мастер литературного перевода. Широко известны ее переводы произведений Дж. Сэлинджера, Э. Хемингуэя, У. Фолкнера, Ф. Кафки и других зарубежных писателей. Р. Райт-Ковалева — автор ярких воспоминаний о Б. Пастернаке, А. Ахматовой и В. Хлебникове. Сегодня мы предлагаем ее воспоминания о встречах с В. В. Маяковским.

тому и, что называется, завоевать. Без малейшего панибратства, без лъстивости и суесловия...

Это неважно, что прошли уже пятьдесят три года с тех пор, как я видела его в последний раз. В сердце и памяти есть вещи, не подвластные времени. А началось все, может быть, не столь уж серьезно — с моей полудетской любви к стихам.

Я училась на медицинском факультете Харьковского университета и работала в небольшом журнале «Пути творчества», где редактором был один из ранних имажинистов Григорий Петников. И вот летом 19-го, вернувшись из поездки в Москву, он принес в редакцию первую книжку Маяковского, изданную при Советской власти.

Это была странная книжка в розовом переплете, стихи в ней были напечатаны чуть

ли не на папиросной бумаге.

Когда мне досталось «по очереди» читать привезенный Петниковым сборник, мне очень захотелось перевести эти стихи на немецкий язык и, при возможности, показать автору.

И вот я собралась в Москву. Приехав, решаюсь позвонить Маяковскому, в РОСТА...

— Товарищ Маяковский? — страшно волнуясь, спросила я.

— Да, здравствуйте, — слышалось в трубке.

Я растерялась, но отступить было некуда.

— С вами говорит студентка медицинского факультета Рита Райт. Я перевожу ваши стихи на немецкий язык и хочу их вам показать.

В ответ слышу очень мягкий, низкий голос:

— Ну что ж, товарищ Райт, очень рад. Пожалуй-

ста, приходите. Вы знаете, где нас искать?

— Да-да, это на Лубянке?..

— Жду вас.

В РОСТА Маяковский работал на четвертом этаже.

Стучу. Слышу: «Войдите!».

Я вхожу и... столбенею на пороге! Вместо того рыжего, лохматого, грубого «дядьки», каким он представлялся мне по рассказам, я вижу огромного человека с прекрасными, очень добрыми карими глазами, и это первое ощущение доброты и внимания, с которыми он встретил меня, осталось на всю жизнь.

Он был очень добрым, добрым во всех проявлениях — в отношениях к людям, к животным, к природе. Впрочем, все это есть в его стихах... Тут же, едва я только закончила читать свои переводы, Владимир Владимирович спросил меня, где и как я живу, и предложил работать в РОСТА. Спустила какое-то время, ближе узнав его, я поняла, что в этом, вот таком, немедленном желании устроить меня, сказалась еще одна определяющая черта ха-

рактера Маяковского: знакомясь с новым человеком, он сразу прикидывал — а какую он может принести пользу, как его пристроить к общему делу?

Признаться, я была несколько озадачена такой поспешностью, тем более что мало представляла себе: как, собственно говоря, можно «использовать» меня, недоучившуюся студентку-медичку на ниве Российского телеграфного агентства?..

Он же без раздумий сказал мне, что скоро в Москве откроется III конгресс Коминтерна. Приедут наши зарубежные товарищи, а русский язык среди них знают единицы. Но им будет интересно знать, чем и как живет наша страна. Так вот, надо будет перевести на немецкий наши лозунги и подписи под «Окна РОСТА».

— ...Этого я, наверное, не сумею...

— Надо суметь, — очень серьезно ответил Маяковский. — Перебейте-ка в Москву, переводитесь в наш университет и будете работать у нас в РОСТА.

...А через несколько месяцев произошло событие, во многом определившее мою жизнь. Маяковский предложил мне перевести на немецкий «Мистерию-буфф».

Это была весна 21-го года, я с головой ушла в свою медицину — до экзаменов оставались считанные дни. Вдруг — звонок, голос Маяковского:

— Рита? Что вы делаете? — Учу гистологию.

— Бросайте вашу «гистологию» и приезжайте сюда минуту на Водопопьяный.

С порога, открыв дверь, Маяковский говорит:

— Все надо бросить. Начинается конгресс Коминтерна. Нам предложили поставить «Мистерию-буфф» на немецком языке для делегатов конгресса.

И я сажусь за «Мистерию-буфф» — первую советскую пьесу, которую нужно было донести до зарубежных зрителей. А в это время Маяковский ищет во всех театрах Москвы артистов, владеющих немецким. Наконец, все готово, начались репети-

ции — проходили они по ночам, потому что днем артисты были заняты в своих театрах.

Маяковский почти каждый вечер приезжал с дачи и очень внимательно слушал репетиции, потом подолгу беседовал с режиссерами и исполнителями. И вот — день премьеры!

...Успех был полный!.. В 24-м году я переехала в Ленинград, встречаться мы теперь стали реже, но, едва я попадала в Москву, мчалась к Маяковскому.

Всего, что было прожито и пережито за эти годы, — не передашь словами: был тот страшный апрельский день 30-го года, когда я узнала о его смерти, и была всенародная трагедия его похорон, а потом — пятилетнее забвение и боль, и недоумение от происходящего. Но уже давно все встало на свои места, и сегодня, в день его девяностолетия, книги, посвященные ему, начинаются словами: «Владимир Владимирович Маяковский — великий советский поэт».

Р. РАЙТ-КОВАЛЕВА.

ОКНО САТИРЫ РОСТА № 6.

РАБОЧИЙ!
Лупость беспартийную выкинь!
Если хочешь жить с dignity и безброд,
Всех по очереди съобит денники,
Всех съобит генеральский рот.

Если ж, на зов партийной недели
Придут миллионы с фабрик
и с пашен —
Рабочий быстро дождет на деле,
Что коммунистам никто не страшен.

Первое окно РОСТА, созданное В. Маяковским.